

ИСПЫТАНИЯ РЫЖЕГО ЛЬВА

КОСТЯЕВ Я.

18+

Ярослав Костяев
Испытания Рыжего Льва

«Автор»

2026

Костяев Я.

Испытания Рыжего Льва / Я. Костяев — «Автор», 2026

Париж, XIX век. В городе орудует неуловимый вор, оставляющий после себя лишь загадки. Его единственная зацепка — свидетельница Майя Разумовская, девушка с таинственным прошлым и связями в высшем свете. Но чем глубже Вильям погружается в мир искусства, интриг и тайных обществ, тем яснее понимает: это дело — лишь верхушка айсберга. Ему предстоит столкнуться с призраками собственного прошлого, узнать, что его напарник и брат хранят мрачные секреты, и заключить сделку с самыми опасными людьми Парижа. А тем временем из тени выходит истинный кукловод, чьи нити тянутся к трагедии. Это история о гениальном детективе с ледяным сердцем, о семейных тайнах, цене выбора и о том, как легко одна картина может стать ключом к разгадке многовекового заговора.

© Костяев Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Ночь в Лувре	5
Глава вторая. Визит к комиссару	9
Глава третья. Следы на холсте и бумаге	16
Глава четвертая. А вы любите чай?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ярослав Костяев

Испытания Рыжего Льва

Глава первая. Ночь в Лувре

Над величественными стенами Лувра тихо мерцали звезды, очерчивая острые тени колонн и декоративных элементов фасада. Внутри, в просторных залах знаменитого музея, царил глубокая тишина, прерываемая лишь редким звуком шагов ночного охранника Джона Дрюса.

Джон лениво продвигался вдоль бесконечных коридоров, периодически поглядывая на часы. До конца смены оставался всего час — совсем скоро наступит долгожданный рассвет. Недалеко от него шёл молодой сотрудник Калисон Праймер, недавно принятый на службу в охрану музея.

— Почему никто не любит ночной патруль? — тихо спросил Калисон, пытаясь разрядить неловкую тишину.

— Потому здесь нечего смотреть, кроме картин да статуй, — буркнул Джон, едва сдерживая зевоту.

И вдруг тишину пререзал резкий треск разбиваемого стекла. Двое охранников мгновенно замерли, прислушиваясь, а затем поспешили в сторону зала эпохи Возрождения.

Внутри было темно, только редкие лучи луны пробивались сквозь высокие окна. Обломки стекла хрустели под ногами. Самое ужасающее зрелище ожидало впереди: крупная витрина была грубо вскрыта, великолепный Золотой лев, некогда принадлежавший самому Людовику XIV и предназначенный великому художнику Никола Ренье, исчез.

Шаги за спинами стали слышны вновь. Из глубины галереи послышался глухой топот ног, приближающийся к ним. Джон поднял руку, предупреждая напарника, и оба устремились навстречу источнику шума.

Луч света вырвался из-за угла, ярко осветив фигуру, метнувшуюся прочь оставив позади перевернутый стол и разбросанные экспонаты.

Охранники ринулись вдогонку, догадываясь, что вор близок. Но, едва Джон сделал пару шагов, та самая фигура неожиданно развернулась и выпустила смертоносную пулю прямо в грудь несчастного охранника.

— Бззз-Бззз, сквозь дверь прозвучал звонок.

Частный детектив Вильям Штиль открыл глаза и посмотрел на часы. Было четыре утра. Только-только заснувший, он решил снова задремать, но телефон продолжал настойчиво звенеть.

— Проклятье, — выругался Штиль, снимая трубку.

— Штиль, просыпайся немедленно! — услышал он знакомый голос комиссара Дюрана. — Случилось нечто невероятное... Лувр ограблен, убита охрана. Нужно приехать сразу.

Детектив тяжело вздохнул, потянулся рукой к стопке сигарет и закурил одну, приготовившись выслушивать подробности.

— Когда прибуду, пусть ждут, — процедил он сквозь зубы, возвращаясь обратно в постель.

Но долго лежать не пришлось. Уже спустя полчаса он уже стоял в центре зала, окружённый хаосом и мрачной обстановкой.

Первое, что бросилось ему в глаза, — тело убитого охранника Джона Дрюса, лежащее в середине зала. Оно находилось в луже крови, окружённое работниками медицинской службы,

ведущими экстренные меры. Рядом стоял комиссар Дюран, руководивший операцией, явно подавленный случившимся.

Справа от тела находилась девушка, которую представили как Майю Разумовску. Она стояла, судорожно сжимая блокнот, глаза её были широко открыты от ужаса, волосы растрепались, дыхание сбивалось. Штиль сразу заметил её неестественную бледность и признаки паники.

Неподалёку застыл молодой охранник Калисон Праймер, недавно принятый на службу. Он выглядел ошеломленным и дезориентированным, пытаясь удержать контроль над собой, но его нервы явно давали сбой.

— Штиль, наконец-то, — усталым голосом произнёс Дюран, подходя к нему. — Рад, что вы прибыли так быстро.

Вильгельм кивнул, молча оценивая обстановку.

Дюран обошёл место преступления, перечисляя известные детали:

— Мы обнаружили следы борьбы и разбитую витрину, — рассказывал он, водя рукой по столу, покрытому стеклами. — Похоже, преступник целенаправленно искал золотую статуэтку, принадлежащую музею.

Вильгельм Штиль молча записывал в блокнот детали, параллельно осматривая помещение.

Комиссар указал на остатки белого полотна, свисавшие с мраморного карниза.

— Похоже, это женский платок, — сообщил Дюран, нахмурившись.

— Значит, женщины тоже замешаны, — сухо прокомментировал Вильгельм, прикуривая очередную сигарету.

В стороне стояла девушка, судорожно сжимавшая тонкий блокнот. Первая возможная подозреваемая Майя Разумовска. Ее глаза распахнутые от страха, волосы растрепались, словно она только что проснулась. Лицо бледное, губы дрожали.

— Итак, мисс... Разумовска, правильно? — начал он холодно, доставая записную книжку.

Мая кивнула молча, крепко прижимая руки к груди.

— Что вы делали в Лувре глубокой ночью? — продолжил Штиль, пристально смотря на нее сверху вниз.

Девушка нерешительно посмотрела на комиссара Дюрана, ища поддержки, но тот лишь пожал плечами.

— Я пришла посмотреть выставку старых рукописей, — наконец выдавила она слабым голосом. — Моя подруга пригласила меня сюда, но потом ушла раньше...

— То есть вы бродили одна по тёмным залам, пока грабитель совершал своё грязное дело? Очень удобно, не правда ли? — язвительно произнес Штиль, делая заметки в своем блокноте.

— Нет, я... — запнувшись, она попыталась оправдаться, но сбивалась и путалась в словах.

— Видели лицо преступника? Есть какие-нибудь приметы? — не отставал Вильгельм, продолжая пытливо всматриваться в её реакцию.

— Мне показалось, что там была женщина... Она держала какой-то предмет, похожий на сверток, — прошептала Мая, прижимая руки к груди.

— Женщина?! Так вот оно что! Значит, речь идёт о сообщнице, а не одиночке, верно? Или вы сами знаете больше, чем хотите сказать? — добавил он презрительным тоном.

— Послушайте, месье Штиль, дайте девушке прийти в себя, — вмешался комиссар Дюран, видя, как испуг девушки переходит в панику.

Вильгельм бросил короткий взгляд на Дюрана, слегка усмехнувшись.

— Ваше благородство неуместно, комиссар, — резко возразил он, явно раздражённый мягкой манерой ведения допроса.

— Мы расследуем преступление, а не проводим чайную церемонию.

Дюран нахмурился, явно не довольный критикой Штиля, но предпочёл промолчать, понимая методы ведения работы детектива.

После завершения допроса Майи Штиль потребовал отдельного разговора с молодым охранником Калисоном Праймером. Калисон выглядел взволнованным и угнетённым, держа руки в карманах форменных брюк.

— Скажите, Калисон, что вы увидели в ночь происшествия? — начал Штиль, пристально глядя на юношу.

Калисон заметно занервничал, его голос дрожал:

— Мы с Джоном услышали треск стекла, — тихо рассказал он. — Мы пошли проверять, и я увидел, как Джон бежит в сторону зала эпохи Возрождения. Я поспешил за ним, но услышал выстрел.

Штиль внимательно наблюдал за реакцией молодого охранника:

— Вы видели лицо преступника? — сухо спросил он.

Калисон покачал головой:

— Нет, я был слишком далеко, — ответил он, избегая взгляда Штиля. — Я увидел только бегущую фигуру, похожую на женщину, но был уверен, что это просто галлюцинация.

— Галлюцинация? — резко повторил Штиль. — Повторите ещё раз.

Калисон нервно сглотнул:

— Я подумал, что это ошибка, — признался он. — Позже я обнаружил девушку, прятавшуюся за колонной. Она рассказала, что видела преступника с предметом, похожим на свёрток.

Штиль быстро записал в блокнот показания, внимательно наблюдая за реакцией охранника.

— Когда вы нашли Майю Раузмовску, она была одна? — уточнил он.

Калисон кивнул:

— Да, я увидел её дрожащей и испуганной, — сказал он. — Она была явно потрясена увиденным.

Остальные сотрудники продолжали исследовать место преступления, фиксируя детали и собирая улики. Штиль продолжил осмотр места происшествия, внимательно изучая тело охранника и фиксируя повреждения. Луч фонарика комиссара Дюрана освещал помещение, подчеркивая неподвижность фигуры убитого.

Штиль проанализировал рану, отметив один точный выстрел в сердце, явно произведённый профессионалом. Кровь на форме указывала на мгновенную смерть, исключая возможность сопротивления. Рядом валялись кусочки одежды, предположительно женские, использованные преступником для маскировки.

— Быстро закончил, — заметил Штиль, придирчиво изучая рану. — Один выстрел в сердце, точный и эффективный.

Дюран опустил голову, рассматривая кровь на форме.

— Никакой попытки защиты, ни оружия, ни борозд от ударов, — озвучил он наблюдение. — Просто обычный дежурный офицер, выполняющий приказ начальника.

Штиль кивнул, соглашаясь.

— Погнался за грабителем, считая, что поймают легко, — рассуждал он, пробегая пальцами по лицу потерпевшего. — Грабители знали, что делают, рассчитали скорость и расстояние идеально.

Посмотрев на остатки плаща, валяющиеся неподалеку, Штиль сосредоточенно поднял бровь.

— Материал простой, дешевый, явно рабочий, — пояснил он, изучая фрагмент ткани. — Использовали женщину как пособницу или простую пешку.

Дюран смотрел на детектива недоверчиво.

— Слишком странно, чтобы поверить, — высказал сомнение комиссар. — Зачем привлекать женщин в такую сложную операцию?

Штиль пожал плечами.

— Задавайте вопросы позже, сейчас важнее добыть свидетельства, — отрезал он, обращаясь к медикам. — Подготовьте протокол, снимите показания, найдите остальные частицы одежды и проверьте их происхождение.

Немного подумав, он продолжил:

— Работали командой или работа одиночки, спланировали каждое движение или резкая жажда обогащения бедного бродяги, расчистили путь от препятствий или обычный побег в страхе. Наша работа состоит в том, чтобы восстановить последовательность событий и разобраться в произошедшем.

— Хорошо, можете идти отдыхать, — отрывисто сказал комиссар Дюран, махнув рукой. — Завтра утром подготови письменный отчет.

Вернувшись в свой кабинет-дом на улице Федо, Вильям Штиль почувствовал тяжёлую усталость. Закрыв за собой дверь, он устало рухнул в кресло, утонув в волнах своих воспоминаний.

Всё было похоже: блестящие реликвии, ограбленный музей, жертва охранника, брошенный фрагмент ткани, загадочный силуэт женщины, исчезающей в темноте.

Тогда дело называлось «Чашей Ламена»: хрустальная чаша, инкрустированная тысячами алмазов, буквально растворившаяся в воздухе. Он вспомнил смутные очертания фигуры женщины, уходящей с грабителями. Именно та женщина оставила единственный важный след. Но несмотря на усилия полиции, поймать её так и не удалось. Вместо неё осудили совсем другого человека, ставшего удобной жертвой системы правосудия.

В этот момент телефон вновь прозвенел. Голос комиссара Дюрана звучал напряжённо:

— Штиль, послушай внимательно, — строго сказал он. — Завтра в два часа дня у нас появится свидетельница, готовая дать показания под протокол. Присутствие обязательно и будьте более сдержанней с ней .

Штиль нахмурился, услышав предложение действовать мягче с девушкой.

— Комиссар, какого чёрта? Двадцать лет — это уже взрослая женщина, Дюран! — возмутился он, недовольный предложением проявлять излишнюю деликатность.

— Знаю, Вильям, но прошу тебя, отнесись к ней попроще, — попросил Дюран. — Девушка явно перенервничала и нуждается в поддержке. Постарайся не усугублять её страх.

— Ладно, Дюран, буду мягким, как котёнок, — проворчал Штиль, небрежно бросая трубку на стол.

Город снаружи дышал сыростью, туман густо стелился по мостовым, придавая всему окружающему налет таинственности. Штиль снова задумался о возможной связи между старым и новым преступлениями.

Могло ли быть так, что та самая женщина вернулась, используя новое преступление, чтобы закончить старое?

Снова вздохнув, он поднялся и сказал сам себе:

— Ничего, завтра посмотрим, что расскажет эта девушка. Нужно постараться вспомнить всё, что связано с прошлым делом.

Глава вторая. Визит к комиссару

Полдень уже миновал, когда Вильгельм Штиль впервые шевельнулся в кресле, освободившись от полусонного состояния.

Легонько потер лицо, словно пытаясь разогнать остатки тяжелого сна, и, наконец, поднялся с кресла.

Первое, что он сделал, — заварил крепчайший чёрный кофе, который предпочитал пить маленькими глотками. Заливая кипяток в кофейник, он машинально достал из коробки сигарету и, прикурив, выпустил облако сизого дыма в направлении окна.

Его квартира располагалась высоко, и через широкое окно открывался панорамный вид на Париж. Дворики домов с низу утопали в зелени деревьев, молодые пары прохаживались, целуясь и щебеча. Одной из таких пар он уделил особый взгляд.

Юноша и девушка шли, взявшись за руки, шутили и весело болтали. Их счастливые лица излучали тепло и радость, и эта идиллическая картина тронула душу Штиля, заставив почувствовать боль от собственного одиночества.

Пока пара постепенно таяла в тумане переулков, Штиль досмолил сигарету и отхлебнул горячий кофе, от которого мурашки пробежали по спине. Вино-чёрный напиток и табак — единственные постоянные спутники его долгих ночей и унылых дней.

Обернувшись к зеркалу, он внимательно осмотрел своё отражение. Щеки слегка заросли щетиной, но волновать это его не могло. Штиль быстро оделся, выбирая любимый костюм: удобные классические брюки нейтрального цвета, идеально гармонирующие с шерстяным пальто, белую рубашку с серебристыми запонками и тёмную шляпу с элегантной обмоткой. Эти аксессуары стали частью его образа, его своеобразной визитной карточкой.

Покидая квартиру, он заметил свой блокнот, лежащий рядом с пепельницей на маленьком рабочем столике. Невозможно представить, сколько записей и схем, сделанных карандашом, содержал этот блокнот. Он служил незаменимым инструментом, позволяющим держать в порядке любую информацию.

Вооружившись всеми необходимыми вещами, Штиль покинул жилище и направился к комиссариату. Солнечные лучи играли на крышах зданий, создавая иллюзию лёгкости и радости, но он знал, что за кажущимися простыми рамками повседневной жизни лежит бездна боли и страданий.

Навстречу новому расследованию он шёл с уверенностью и решимостью. Узнать правду станет первостепенной задачей, а старая история «Чаша Ламена» вновь появилась перед глазами, соединяя прошлое и настоящее.

В пути, Вильем Штиль уверенно шагал по Парижу, погружённый в свои мысли. Вскоре улица привела его к одной из городских площадей, где собралась небольшая группа прохожих. Среди толпы Штиль заметил юношу, энергично клеящего яркие плакаты на стену старинного здания. Красочные буквы рекламного объявления гласили:

«ВЕЛИКАЯ ПОТЕРЯ ФРАНЦИИ! УТРАТА В САМОЕ СЕРДЦЕ!»

Наблюдая за юношеским энтузиазмом, Штиль саркастично подумал:

— Народ всегда ищет повода для публичного цирка, — пробормотал Штиль, глядя на активные манипуляции парня.

— Даже потеряв какую-то глупую вещицу, хотят превратить это в национальную драму.

Потеря экспоната стала поводом для грандиозного скандала, но сама трагедия воспринималась большинством лишь как повод обсудить новость за вечерним ужином. Штиль внутренне усмехнулся такому поведению публики, осознавая, что подобное отношение типично для большинства жителей современного общества.

Оглядев мальчика, он продолжил путь, но тут неожиданно наткнулся на фигуру взрослого мужчины, спешащего по делам. Штиль интуитивно отступил, но было поздно: мужчина столкнулся с ним, нечаянно повредив свой футляр с бумагами.

— Простите, прошу прощения, — вежливо произнёс мужчина, поправляя очки и пытаясь вернуть порядок в документы.

Штиль с некоторым удивлением признал в нём Зена Камерона, своего бывшего коллегу по службе. Четырьмя годами ранее Зен возглавлял дело «Чаши Ламена», пока не был отстранён руководством по причине давления вышестоящих инстанций. С тех пор он жил семейной жизнью, работая простым чиновником.

— Штиль, здравствуйте, — жизнерадостно обратился Зен, явно радуясь встрече. — Как здорово снова увидеть вас!

Штиль ограничился сухим кивком головы.

— Привет, Зен, — ответил он коротко, стараясь избежать лишнего общения.

Зен дружелюбно улыбнулся.

— Много воды утекло, правда? А вы всё ещё курите, как я вижу, — игриво заметил он, оглядывая силуэт Штиля, от которого струился табачный дым.

Штиль поморщился.

— Курю, когда хочу, — хмуро отозвался он, избегая долгого разговора.

Зен всегда отличался учтивостью и уважением к окружающим, что иногда раздражало Штиля, привыкшего к более откровенному общению. Впрочем, воспитанность Зена была чертой его характера, а не следствием воспитания.

— Думаю, это плохая привычка, но если вам нравится, почему бы и нет, — дипломатично заметил он.

Штиль лишь недовольно пожал плечами.

— Мне пора, Зен, — сказал он, уже поворачиваясь. — У меня назначено свидание с комиссаром Дюраном.

Зен смиренно кивнул.

— Хорошо, шеф, желаю удачи в делах, — пожелал он сердечно. — Мне тоже пора, жена ожидает на вокзале.

Штиль сдержанно кивнул, не тратя силы на тёплые слова. Дорога вела его дальше, к назначенному визиту.

Оставив Зена Камерона позади, Вильгельм Штиль возобновил свой путь, направляясь к зданию комиссариата. Обычно такой прямой и целеустремлённый, сейчас он ощутил странное чувство меланхолии, вызванное короткой встречей с бывшим сослуживцем.

Беседа с Зеном воскресила воспоминания о прошлом, когда у них обоих была перспективная карьера и надежда на лучшее будущее. Тогда они вместе работали над делом «Чаши Ламена», полные энергии и уверенности. Но судьба распорядилась иначе: Зен ушел из профессии, женился, обзавёлся семьей, тогда как Штиль остался одиноким холостяком, целиком погружённым в работу.

Столкнувшись с Зеном, он осознавал, насколько разными стали их жизни. Зен нашёл свое счастье в семейной жизни, тогда как сам Штиль продолжал влачить дни в одиночестве, без партнёра, детей или постоянных друзей. Со временем он разочаровался в отношениях, отказался от поиска спутника жизни, приняв факт, что его настоящая любовь — работа.

Сейчас, шагая по улицам Парижа, он размышлял о судьбах людей, об утраченных возможностях и неверных выборах. Видя семейную пару, гуляющую по набережной, или группу студентов, громко смеющихся в кафе, он чувствовал щемящую пустоту внутри. Все эти люди обладали чем-то, чего ему так не хватало: поддержкой, радостью, любовью.

Незаметно погружаясь в эти размышления, Штиль не заметил, как дошёл до комиссариата. Он остановился у дверей, на мгновение окинув взглядом привычный дворик, где нередко встречались сотрудники ведомства.

Он мысленно пообещал себе не допускать подобного чувства пустоты в будущем. Работа требовала концентрации, и личная жизнь должна остаться на втором плане.

Новое дело требовало полного внимания, и воспоминания о встрече с Зеном постепенно начали терять свою значимость.

Открыв дверь комиссариата, Вильгельм Штиль почувствовал привычную атмосферу этого места: традиционный гул голосов, смесь запахов кофе и старых архивных папок. Он уверенно направлялся к кабинету комиссара Дюрана, передвигаясь вдоль длинных коридоров.

По дороге он встретился с множеством сотрудников, большинство из которых избегали зрительного контакта, косясь на него с явной осторожностью. Причина этому была проста: репутация Штиля предшествовала ему везде. Несмотря на успешные раскрытия множества сложных дел, его методы работы заслужили сомнительную славу.

Проходя мимо, Штиль слышал тихие перешёптывания и взгляды, направленные в его сторону. Он привык к этому и не реагировал, сосредоточившись на поставленных задачах.

— Только посмотри, как он идёт, — шепнул один из сотрудников, бросая взгляд на Штиля. — Настоящая машина правосудия.

Другой, тихо усмехаясь, добавил:

— Всем известно, что с ним лучше не связываться. Любой может оказаться в его списке врагов.

Сотрудникам было известно, что Штиль относился к коллегам крайне жёстко, воспринимая их лишь как инструменты для достижения целей.

Часто бывшие помощники рассказывали, как он манипулировал ими, эксплуатируя способности и знания до предела, жертвуя здоровьем и благополучием ради результатов. Рассказывали случаи, когда он открыто критиковал своих напарников, вынуждая их достигать невозможного. Поэтому большинство работников комиссариата старались избегать контактов с ним, стараясь свести взаимодействие к минимуму.

Некоторые даже называли его «ледяной машиной», действуя методично и бескомпромиссно, не считаясь с чувствами других. Такая слава распространилась по департаменту, укрепляя за ним имидж профессионального, но опасного детектива.

Один из чиновников, заметив Штиля, поспешно увёл помощника в сторону, опасаясь случайного столкновения. Атмосфера тревожности сопровождалась Штиля повсюду, подтверждая, что репутация следователя действительно велика.

Подойдя к кабинету Дюрана, он постучал, дожидаясь приглашения. Наконец, раздался голос комиссара:

— Входите, Штиль.

Пройдя внутрь, он увидел комиссию, готовую задать вопросы свидетельнице. Занимая отведённое ему место, Вильгельм Штиль быстро осмотрел членов комиссии, собравшихся в кабинете комиссара Дюрана. Первым вниманием удостоился сам Дюран — высокий, седоволосый мужчина с интеллигентным лицом и строгим характером. Помимо него присутствовали двое его помощников, опытных профессионалов, всегда готовых оказать содействие.

Штиль тихо занял своё место, положив блокнот на колени и доставая ручку. Дюран, заметив его появление, слегка улыбнулся:

— А вот и наш знаменитый специалист, — с лёгкой иронией заметил он. — Как всегда пунктуален, Штиль?

Штиль, подняв взгляд, коротко кивнул:

— Если бы я задержался, боюсь, это стало бы сенсацией, — сухо ответил он, бросив взгляд на свидетельницу.

Дюран тихо рассмеялся, оценив шутку:

— Что поделать, Штиль, вы действительно как швейцарские часы — всегда точны и эффективны.

Продолжая осмотр членов комиссии особое внимание Штиль уделил двум участникам заседания — близнецам Стирели. Дина Стирели, хранительница архива, известная своей педантичностью и абсолютной нелюбовью к приключениям, заняла место в самом углу комнаты. Её строгий взгляд говорил о нежелании принимать участие в событиях, связанных с уголовными делами. Дина имела репутацию добросовестного работника, приверженного порядку и стабильности.

Рудольф Стирели, её брат-близнец, кардинально отличался от сестры. Высокий, харизматичный, обладатель изящных манер, он славился склонностью к авантюризму и общительностью. Сослуживцы рассказывали множество анекдотов о его покорении женских сердец, предполагая, что число его побед превысило разумные пределы.

Сейчас, наблюдая за Рудом, Штиль заметил, как его взгляд то и дело соскальзывал на свидетельницу, Майю Разумовску, подчёркивая отсутствие объективности и профессионального подхода.

Присутствующие знали, что Штиль имеет железную дисциплину и ненавидит проявления некомпетентности или нарушений порядка. Он уже собирался сделать комментарий относительно некорректного поведения Рудольфа, но вовремя остановил себя, посчитав это ненужным вмешательством.

Заседание началось с официального представления свидетельницы. Майя Разумовска нервно смотрела на присутствующих, её руки дрожали, и Штиль понимал, что девушка чувствует сильнейшее напряжение.

Вильгельм развернул блокнот и ручку, готовясь записать все детали беседы. Сегодня ему предстояло собрать максимум информации, необходимой для установления истины, и он намеревался довести дело до логического завершения, несмотря на внешние факторы.

Дюран открыл заседание, задав первый вопрос свидетельнице:

— Объясните, пожалуйста, мисс Разумовска, почему вы находились в Лувре глубокой ночью?

Майя заметно занервничала, её пальцы нервно теребили край юбки, но голос звучал чётко и уверенно:

— Моя подруга пригласила меня посетить выставку старых рукописей в Лувре, зная, что я писательница и нуждаюсь в источниках вдохновения для своих произведений.

Дюран одобрительно кивнул, переходя к следующему пункту:

— Вы пришли в музей в сопровождении подруги. Почему же вы оказались одна на месте преступления?

Вопрос вызвал у Майи явное затруднение. Она опустила взгляд, явно колеблясь, прежде чем продолжить:

— Мой спутник, Ирина Арман, отправилась позвонить своему возлюбленному и пообещала вернуться через несколько минут. Я же осталась в зале, восхищаясь произведениями искусства. Но вскоре мне стало плохо из-за врожденной анемии, и я вынуждена была присесть отдохнуть. Потеряв сознание, я проспала несколько часов и очнулась уже после происшествия.

Дюран задумчиво посмотрел на Штиля, вклиниваясь в её объяснения вопросом:

— Что случилось потом?

Майя посмотрела на Штиля, но быстро отвела взгляд, видимо, испытывая дискомфорт от его жёсткой оценки ситуации.

— Я услышала шум и, очнувшись, увидела людей, бегающих по залам. Поняв, что произошло что-то серьезное, я спряталась за ближайшей колонной и наблюдала за развитием событий.

Штиль, заметив её колебания, записал показания в блокнот, чувствуя, что информация заслуживает проверки.

После ответа Майи заседание продолжилось, и участники комиссии обсудили её показания. В разгар дискуссии вмешался Рудольф Стирели, известный своей привлекательной внешностью и общительностью:

— Миледи, — начал он, одарив Майю чарующей улыбкой, — признаюсь, глядя на вас, я бы и не сказал, что вам всего двадцать лет. Стройное тело, белоснежная кожа, удивительно изящная фигура — это симптомы классической анемии, не так ли?

Майя покраснела и нервно теребила рукав платья, явно некомфортно чувствуя такое внимание.

— Безусловно, — поддержал Рудольф, не замечая её дискомфорта, — если вы позволите, я настоял бы на медицинском осмотре, чтобы удостовериться в наличии заболевания. Ведь мы обязаны учесть ваше самочувствие, не так ли?

Майя замялась, явно колеблясь. Её недоверие к мужчинам, известным своей страстью к ухаживаниям, сыграло роль.

— Эм-м... наверное, стоит обратиться к доктору, — неуверенно согласилась она, не желая показаться грубой.

Дюран вмешался, недовольный ходом беседы:

— Стирели, вы перешли границы приличия, — строго заметил он. — Мы проводим официальное расследование, а не социальное чаепитие.

Рудольф лукаво улыбнулся, бросив взгляд на Майю:

— Абсолютно согласен, комиссар, — кивнул он, демонстрируя формальное согласие. — Но я считаю необходимым позаботиться о самочувствии девушки. Будьте уверены, медицинская проверка пройдёт достойно и конфиденциально.

Майя скрестила руки на груди, явно не испытывая доверия к словам Рудольфа. Она видела множество ловеласов, и её насторожило его быстрое проявление внимания.

— Спасибо, но я смогу сама сходить к врачу, — твердо заявила она, пытаясь пресечь инициативу Стирели.

Рудольф театрально вздохнул, изображая обиду:

— Как угодно, дорогая леди, — сказал он, слегка поклонившись. — Если передумаете, знайте, я всегда готов помочь.

Штиль наблюдал за происходящим с холодной отстранённостью, отмечая реакцию Майи на ухаживания Рудольфа. Он понимал, что такие знаки внимания вызывают лишь неприятные ассоциации у многих девушек, привыкших к манипуляциям со стороны противоположного пола.

Расследование продолжалось, но теперь оно сопровождалось новыми красками и противоречиями, добавленными участием Рудольфа Стирели.

Дюран нервно выдохнул, явно раздражённый манерами Рудольфа Стирели. Обратив внимание на Майю, он представил ей ведущего детектива:

— Мадам Разумовска, позвольте представить вам нашего специалиста, частного детектива Вильгельма Штиля, ответственного за расследование дела о краже золотого льва.

Имя Штиля вызвало заметное волнение у Майи. Она отметила его строгий взгляд и внушительный облик, ассоциируемый с профессионализмом и точностью.

Штиль, оставаясь сдержанным, обратился к аудитории:

— Я просил бы разрешить мне осмотреть место проживания свидетельницы и вызвать её подругу, Ирину Арман, для дачи показаний, — чётко и ясно озвучил он свои запросы.

Дюран внимательно прослушал доклад и незамедлительно поставил подпись на разрешении:

— Ваша просьба одобрена, — объявил он, обращаясь к присутствующим. — Мы ожидаем вашего активного содействия в рамках текущего расследования.

Майя почувствовала напряжение, осознавая, что её показания станут важнейшей частью дела.

Рудольф Стирели, заметив перемены в поведении Майи, проявил недовольство:

— Почему именно Штиль? — возмущённо спросил он, выражая несогласие. — Разве мои компетенции недостаточны для этого дела?

Штиль бросил на него короткий взгляд, явно игнорируя возражения:

— Вопросы распределения кадров решает руководство, — сухо ответил он, прекращая бесполезную полемику.

После утверждения резолюции Майя ощутила приступ паники. Она внезапно осознала, что её рассматривают как непосредственную участницу преступления, возможно, готовят обвинение, хотя она не совершила ничего плохого. Холодный взгляд Штиля и строгость Дюрана лишь усиливали её страх и ощущение вины.

Сердце учащённо билось, руки дрожали, дыхание стало неровным. Она думала, что может попасть в тюрьму, потерять свободу и уважение окружающих. Паника росла, порождая чувство беспомощности и одиночества.

Почувствовав её состояние, Дюран мягко вмешался:

— Успокойтесь, мадам Разумовска, — ласково произнёс он, подавая стакан воды.

— Никто не собирается предъявлять вам обвинения. Мы хотим лишь установить истину и понять, что произошло.

Майя взяла стакан, медленно отпивая воду, пытаясь совладать с эмоциями.

— Ваше участие в нашем расследовании чрезвычайно важно, — продолжал Дюран, говоря тихо и размеренно.

— Мы знаем, что вы не имеете никакого отношения к совершенному преступлению, но ваши показания помогут нам раскрыть тайну.

Постепенно успокаиваясь, Майя почувствовала благодарность к Дюрану за его добрые слова и понимание. Впервые за долгое время она ощутила поддержку и принятие.

После небольшого перерыва заседание продолжилось. Штиль зачитал свои вопросы, чётко формулируя пункты расследования. Майя, уже более уверенная, дала показания, соблюдая точность и ясность.

Паника постепенно отступила, уступив место рациональному мышлению. Майя поняла, что её честность и открытость помогут добиться справедливости.

Часы показывали половину седьмого вечера, когда совещание завершилось. В кабинете комиссара Дюран объявил о планах дальнейших действий:

— Следующим шагом станет осмотр места проживания мисс Разумовски, — объявил он, обращаясь к присутствующим. — Задание выполняют детектив Вильгельм Штиль и мой помощник Сэм Левинсон.

Майя почувствовала нарастающее беспокойство. Её комната была маленьким, скромным помещением, полным творческих инструментов и рукописей. Обычно она принимала гостей крайне редко, предпочитая проводить время в одиночестве. Мысль о присутствии посторонних людей, изучающих её жильё, вызвала у неё нервную дрожь.

— Ну что ж, — произнес комиссар, обращаясь к Майе, — надеюсь, вы готовы к нашему визиту.

Майя нервно кивнула, понимая неизбежность сложившейся ситуации. Её сердце учащённо билось, а руки мелко тряслись. Она представляла, как эти серьезные профессионалы увидят её личные вещи, письма, рисунки, создадут представление о её внутреннем мире.

Тем временем Рудольф Стирели покидал здание комиссариата, явно неудовлетворённый результатом. Проходя мимо Майи, он бросил ей легкомысленный взгляд:

— Скоро встретимся, милая барышня, — кокетливо произнёс он, с лукавым блеском в глазах.

— Надеюсь, наше общение продлится дольше, чем сегодняшний разговор.

Майя с трудом сдержала раздражение, решив, что лучшим выходом будет как можно скорее покинуть его компанию.

Вскоре компания — Майя, Штиль и Сэм Левинсон — вышла из здания комиссариата. Свежий вечерний воздух Парижа приятно освежал после душного рабочего дня. Майя ощущала дискомфорт, осознавая, что её личная территория вскоре подвергнется изучению и оценке.

Они отправились в путь, минуя улицы, освещённые тёплым светом заходящего солнца. Вдали раздавался гул парижских улиц, наполняющий вечер особой магией.

Майя, подавляя тревогу, понимала, что скоро ей придется выдержать сложный экзамен, связанный с личным комфортом и приватностью. В то же время она верила, что цель оправдывает средства, и ради восстановления справедливости стоит пережить временные неудобства.

Глава третья. Следы на холсте и бумаге

Добравшись до места назначения, Штиль удивлённо отметил, что Майя живет в уютном жилом комплексе, расположенном прямо напротив его офиса на улице Федо. Это казалось странным, ведь он никогда не замечал её, проходя мимо этого дома каждый день.

Подойдя к главному входу, Майя открыла дверь, пропуская Штиля и Сэма внутрь. На пороге их уже ждала управдом — пожилая дама, строгая и заботливая:

— Мадемуазель Разумовска, кто это? — строго спросила она, внимательно разглядывая гостей. — Вы принимаете туристов в аренду?

Майя, слегка смутившись, пояснила:

— Это представители полиции, мадам Леон, — сказала она, стараясь выглядеть убедительнее. — Они прибыли осмотреть мою квартиру по делу о краже из Лувра.

Управляющая дома обеспокоенно посмотрела на Майю, выразив явное недовольство:

— Ох, беда-то какая, — вздохнула она, явно нервничая.

— В наше время нелегко уследить за порядком, да ещё и полиция ходит! Вы-то зачем влезли в такую историю? Неужели нельзя было обойтись без проблем? Теперь соседи начнут судачить, а я должна решать все вопросы. Обращайтесь бережно с имуществом, а то я ещё пострадаю из-за ваших авантюр.

Майя почувствовала укол грусти и стыда от такого негативного отзыва. Она всегда старалась быть аккуратной и законопослушной, но сейчас услышала от владелицы дома, что её считают источником проблем. Слезы наворачивались на глаза, но она сдержала их, понимая, что ситуация требует выдержки и мужества.

Оказавшись в квартире, Штиль осмотрелся. Комната Майи напоминала его собственное рабочее место: повсюду лежали рукописи, наброски, блокноты, книги, карандаши и бумаги. Творческий беспорядок явно занимал центральное место в пространстве.

На стенах были развешаны иллюстрации, выполненные пастелью и акварелью. На рисунках изображены архитектурные памятники и достопримечательности Франции XIX века: собор Парижской Богоматери, Люксембургский сад, Монмартр, набережная Сены. Некоторые строки из стихотворений и прозаических заметок были выведены на полях:

«Моя душа спит в тени старых садов, где вековые деревья шепчут секреты прошлого...»

«Нет ничего прекраснее парижского неба осенью, когда золотые листья танцуют вальс в объятиях ветра...»

«Камни Лувра помнят тысячи жизней, впитали в себя голоса мастеров и поэтов...»

Штиль невольно задержал взгляд на этих рисунках, отметив их трогательную искренность и поэтичность. Такие маленькие детали добавляли уюта и теплоты в её жилище.

— Вижу, вы тоже работаете с бумагами, — сухо заметил Штиль, сравнивая интерьер комнаты с собственным рабочим кабинетом.

Майя слегка покраснела, смущённо улыбнувшись:

— Простите за беспорядок, — пробормотала она, не зная, как реагировать на комментарий Штиля.

Сэм Левинсон, ассистент Штиля, приступил к фиксации процесса осмотра, аккуратно регистрируя каждую деталь. Майя нервно теребила край платья, осознавая важность происходящего.

Комната была наполнена особым очарованием: солнечные лучи, пробивающиеся сквозь тюлевые шторы, создавали теплые отблески на страницах рукописей. Вся атмосфера напоминала тёплый осенний день, согретый творчеством и вдохновением.

Осмотрев квартиру, Вильгельм Штиль обратил внимание на определённые творческие труды Майи. Его взор задержался на нескольких рассказах, размещённых на столе. Особенно

привлекли его внимание рукописи, посвящённые Лувру и искусствам. Интерес Штиля к этим материалам возбудил в Майе легкое смущение и застенчивость.

— Эти рукописи относятся к делу, — сказал он, указывая на выбранные бумаги. — Я бы хотел забрать их с собой для дальнейшей проверки.

Майя, чувствуя неловкость, попыталась возразить:

— Но... это мои личные работы, — неуверенно произнесла она, понимая невозможность отказа. — Правда, они связаны с темой Лувра, но я не писала их для широкой публики.

Штиль, будучи практичным человеком, спокойно отреагировал:

— Нам необходимы любые сведения, касающиеся музея, — сухо ответил он, складывая рукописи в специальный конверт. — Если ваши работы представляют интерес, мы используем их для анализа.

Майя молча наблюдала, как её творчество перемещается в портфолио детектива. Она почувствовала себя уязвимой, осознавая, что её личные записи попадут в руки специалистов.

Уже в дверях Штиль обернулся, заметив её смущение:

— Вам не нравятся ваши собственные рассказы? — спросил он, словно изучая её реакцию. — Почему это вызывает у вас такое замешательство?

Майя нерешительно улыбнулась, пытаясь подобрать слова:

— Они несовершенны, — тихо ответила она, пряча взгляд. — Часто кажется, что мои идеи не достойны широкого распространения.

Штиль кивнул, понимая природу её колебаний:

— Талантливые авторы всегда сомневаются в себе, — заметил он, закидывая сумку на плечо. — Но именно в этом заключается их сила.

В последний момент Майя решила добавить ремарку:

— Если хотите, я могу подробно описать, о чём говорится в моих рассказах, предложила она, пытаясь компенсировать потерю рукописей.

Штиль остановился на пороге, внимательно посмотрев на неё:

— Я не настолько глубок, чтобы разбираться в мыслях другого гения, — сухо ответил он. — Но вашу информацию приму к сведению.

Сказав это, он вместе с Сэмом покинул квартиру

Вернувшись в свой кабинет-дом на улице Федо, Вильгельм Штиль устало сбросил пальто и шляпу, бросив взгляд на привычный беспорядок вокруг. Рабочий стол был завален папками, книгами и письмами, связанными с предыдущими расследованиями. Положив свёрток с рукописями Майи на стол, он присел в старое кресло, откинулся назад и позволил себе расслабиться.

На мгновение его охватила волна меланхолии. Он сравнивал свою жизнь с жизнью Майи, осознавая, насколько они отличаются. В то время как он живёт в одиночестве, погружённый в работу и карьеру, Майя окружена людьми, принимающими активное участие в её жизни. У неё есть подруга, которая пригласила её в Лувр, есть своя творческая деятельность, признание обществу.

Однако в какой-то момент Штиль почувствовал странное теплое чувство, осознавая, что между ним и Майей существует нечто общее. Подобно ему, она стремится к совершенствованию своих трудов, прилагает массу усилий, чтобы воплотить свои идеи. В этом смысле они похожи: оба одержимы достижением высоких стандартов.

Но затем Штиль снова вспомнил о холодности своей природы. Он никогда не заводил длительных отношений, предпочитая работу любому взаимодействию с людьми. Ему нравилось пребывать в одиночестве, ощущая себя независимым и сильным.

— Я не имею права испытывать чувства, — подумал он, закрывая глаза.

«— *Моя жизнь посвящена работе, а не сентиментальности.*»

Его мысли дрогнули, вспомнив о том, как она упомянула свою подругу Ирину Арман, Штиль насторожился. Он понимал, что её показания важны, но одновременно допускал вероятность того, что подруга может быть причастна к преступлению.

Мысленно он вернулся к данным, собранным комиссией, повторно анализируя каждый аспект дела. Дальнейшие шаги должны быть тщательно спланированы, чтобы не допустить ошибок.

Проведя несколько минут в размышлениях, Штиль встал, расправил плечи и отправился готовиться к следующему этапу расследования. День был долгим, но расследование требовало его полной концентрации и внимания.

Глава четвертая. А вы любите чай?

После долгой ночи размышлений Вильгельм Штиль медленно пробуждался в своём кресле, засыпанный кучей бумаг и набросков. Бессонная ночь, проведённая в анализе вчерашних протоколов и показаний, не принесла желаемого результата. Документы допроса свидетельницы, схемы осмотра места преступления и фотографии витрин Лувра беспорядочно лежали вокруг него, словно мозаика, в которой никак не удавалось найти общий рисунок.

Но одна деталь упорно не давала покоя: рукописи Майи Разумовской, которые он так и не удосужился просмотреть. Изъятые из её квартиры, они лежали на отдельном столике, аккуратно уложенные в конверт. Штиль чувствовал вину, осознавая, что вторгся в её личное пространство, как некий нахал, потревоживший скромный мир художницы и писательницы.

— Я вламываюсь в чужой мир, не спросив разрешения, — подумал он, раздражённо потирая лоб. — А потом ещё удивляюсь, почему люди боятся меня.

Усталый и расстроенный, он откинул бумаги в сторону и, тяжело вздохнув, встал с кресла. Механически он подошёл к кухонному столу, заварил крепкий кофе и, закурив сигарету, медленно потянулся к чашке. Табачный дым и горячая жидкость помогли вернуть ясность сознания.

Стоя у окна, он смотрел на улицы Парижа, затопленные утренним туманом. Серые крыши, мокрые от ночного дождя, и редкие прохожие, спешащие по своим делам, создавали мрачную картину, соответствующую его настроению.

— Чёртова бессонница, — пробормотал он, допивая последнюю каплю кофе. — Уже дважды за неделю засыпаю в кресле. В молодости такое было невозможно.

Продолжая рассматривать прохожих в окне, он увидел знакомую личность. Это была Майя Разумовская, выходящая из своего дома в дождливую погоду. Она выглядела особенно странно: на ней было тускло-сиреневое платье, подчёркивающее её стройную фигуру, большая винтажная шляпа прикрывала ярко-рыжие волосы, а тёмный зонт подчёркивал мрачность города.

Штиль внимательно наблюдал за ней, чувствуя, как волнение поднимается внутри. Он заметил, как её шпильки клацали по мокрым камням, как она осторожно балансирует под порывистым ветром, стараясь сохранить элегантность.

— Что это за странная прогулка? — пробормотал он, зачарованно наблюдая за её движениями. — Что заставило вас покинуть уют дома в такую погоду?

Вильгельм Штиль, начал быстро собираться, чтобы не упустить её из поля зрения. Он лихорадочно надел пальто, нашарил трость и потянулся за шляпой, стоящей на вешалке.

Спускаясь по лестнице, он продолжал размышлять:

— Очень интересно, что заставило ее покинуть свой уютный дом ранним утром и в такую погоду? — задумчиво пробормотал он, поправляя пальто.

— Возможно, это встреча с подругой? Или работа? Или, может, это как-то связано с нашим делом?

Нужно незаметно проследить за её действиями, не попадаясь ей на глаза. Но как осуществить это, не привлекая внимания?

Выйдя из дома, Штиль задержался на крыльце, вдыхая влажный воздух раннего утра. Небо было затянуто свинцово-серыми тучами, а вода стекала с крыш, образуя лужи на мостовых. Он посмотрел на Майю, шагавшую по улице с элегантным достоинством, несмотря на стихию.

— Чёрт возьми, — тихо выругался он, запуская правую руку в карман пальто, чтобы достать блокнот.

— Что заставило её надеть это платье и шляпу в такую погоду? И куда она направляется?

Необходимо быть предельно осторожным. В Париже, особенно в дождливую погоду, легко потерять след. Штиль решил держаться на некотором расстоянии, пользуясь возможностью укрыться за каретами экипажа и арками домов.

Он осторожно обогнул ближайший квартал, держась за стену, чтобы уменьшить шанс быть замеченным. На ходу он достал сигару и прикурил, задумчиво глядя на Майю, чья фигурка постепенно исчезала в тумане.

— Нужно помнить, что любое действие имеет причину, — пробормотал он, выдыхая дым. — Её поведение может оказаться ключевым звеном в этом деле.

Следуя за ней по узким улочкам, Штиль внимательно наблюдал за каждым движением Майи. Её каблук клацали по булыжной мостовой, издавая мелодичный звук, который эхом отзывался в тишине ранних улиц.

Штиль решил продолжить наблюдение, держа блокнот открытым, чтобы зафиксировать любые детали. Он почувствовал, как адреналин наполняет его, как это бывает в каждом хорошем расследовании. Несмотря на усталость и депрессию, он понял, что это расследование постепенно идет в завершающую фазу.

— Кто знает, возможно, эта прогулка откроет новые горизонты, — подумал он, продолжая следовать за Майей вглубь города.

Вильгельм Штиль, следуя за Майей Раузмовской, осторожно подошёл к центральной улице Парижа. Дойдя до пересечения с небольшой площадью, он заметил, как Майя остановилась напротив кофейни. Скрываясь за кустарником, Штиль наблюдал, как она сделала заказ и уселась на закрытую навесом летнюю террасу кафе.

Достала блокнот и ручку, аккуратно уложив их на стол, Майя начала разминать руки, вытягивая их вверх. В этот момент Штиль заметил, что на ней были ажурные перчатки чёрного цвета, гармонично дополняющие её наряд.

— Что за элегантность, — пробормотал он, разглядывая её утончённые движения. — Кажется, она кого-то ждёт. А может, это место встречи с неким человеком?

Её внешний вид казался ему всё более привлекательным и загадочным. Чёрные перчатки, винтажная шляпа, стройная фигура в сиреневом платье — всё это придавало ей необычайную привлекательность и шик.

Штиль осторожно вышел из-за куста и занял позицию на другой стороне улицы, прислонившись к стене старинного здания. Отсюда он мог видеть Майю, не привлекая внимания.

— Так, подожду немного, — подумал он, придерживая сигарету в зубах. — Возможно, её собеседник выйдет из кафе, и я узнаю что-то важное.

Продолжая наблюдение, Штиль отметил, что Майя выглядит сосредоточенной и спокойной. Она сделала несколько записей в блокноте, затем подняла взгляд на прохожих, словно ожидая появления нужного человека.

— Какая загадочность, — пробормотал Штиль, глубоко затягиваясь сигаретой. — Скажут, что детективы склонны к фантазиям, но я чувствую, что её визит сюда неслучаен.

Он внимательно следил за каждым движением Майи, готовясь к возможным неожиданностям. Ветер дул с севера, гоня капельки дождя с крыши, но это не мешало ему сосредоточиться на своём наблюдении.

Прошло несколько минут, и Штиль начал понимать, что ждать придётся дольше, чем он предполагал. Но он не собирался отказываться от слежки, чувствуя, что именно здесь может произойти что-то важное.

— Минутка терпения, — сказал он себе, поправляя шляпу. — В расследовании всегда важна точность и терпение.

С этими словами он присел на бордюр, продолжая наблюдать за Майей, надеясь на то, что её встреча откроет ему важные детали.

Прошло уже около тридцати минут. Майя получила свой заказ: это был горячий чай и пирожное, напоминающее бисквит. Штиль, продолжая наблюдение, мысленно отметил про себя:

— Чай и лимонный торт? Весьма аппетитно, — пробормотал он, потягивая сигарету.

Он наблюдал, как Майя неторопливо пьёт горячий чай, медленно вкушая десерт. Она не спешила, её движения были размеренными и спокойными. Штиль понял, что стоять на улице больше невозможно — пасмурная погода не располагала к долгому ожиданию, и шансы заметить её собеседника уменьшались.

— Нужно сократить дистанцию, — подумал он, решительно направляясь к кафе.

— Нельзя упустить возможность выяснить, что здесь происходит.

Войдя в заведение, Штиль заказал кофе с молоком и устроился за соседним столиком, стараясь не привлекать внимания. Майя заметила его, слегка удивившись и смутившись.

— Боже мой, месье Штиль, — произнесла она, пытаясь скрыть волнение.

— Какой приятный сюрприз! Вы тоже любитель утреннего чая?

Штиль кивнул, делая вид, что не замечает её смущения:

— Случайная встреча, мадемуазель, — сказал он, отпивая кофе.

— Признаюсь, погода сегодня располагает к посиделкам в кафе.

Майя улыбнулась, чувствуя облегчение:

— Вы правы, месье Штиль, — ответила она, поправляя перчатку. — Пасмурные дни помогают очистить мысли.

Штиль внимательно наблюдал за ней, пытаясь понять, что привело её сюда в такую рань. Она выглядела расслабленной и уверенной, её глаза блуждали по странице блокнота, словно она что-то обдумывала.

— Чем заняты, мадемуазель? — спросил он, делая вид, что интересуется её хобби. — Рисование или письмо?

Майя слегка покраснела:

— Просто делаю заметки для своей книги, — тихо ответила она. — Мне нравятся ранние утренние прогулки — они приносят вдохновение.

Штиль почувствовал, что их разговор становится глубже. Он понял, что Майя, возможно, доверяет ему больше, чем кажется. Её откровенность и спокойствие говорили о многом.

— А что вы пишете, мадемуазель? — осторожно спросил он, пытаясь вывести её на откровенность.

Майя замолчала, явно колеблясь:

— Это пока секрет, месье Штиль, — улыбнулась она, прикрывая блокнот рукой. — Но, возможно, однажды вы прочтёте мою книгу.

Вильгельм Штиль продолжал пить свой кофе, предварительно закурив сигарету. Майя, заметив это, обратилась к нему в добром тоне:

— Месье Штиль, вы же понимаете, что курение опасно для здоровья? — мягко сказала она, наблюдая, как он выпускает кольца дыма. — Вы должны заботиться о себе.

Штиль равнодушно пожал плечами, отпивая кофе:

— Если мне суждено умереть от курения, — сухо ответил он, делая затяжку, это будет самая наименее болезненная смерть. Гораздо легче, чем быть застреленным в ходе великого расследования или стать героем для обсуждения за ужином нашего циркового общества.

Майя вздрогнула, заметив страх в её глазах:

— Почему вы хотите умереть? — тихо спросила она, откладывая чайную ложку.

— Ведь ваша жизнь полна красок в ходе вашей интересной работы.

Штиль, слегка усмехнувшись, ответил:

— Я не хочу умереть, мадемуазель, — произнес он, туша сигарету в пепельнице.

Почувствовав резкую усталость и меланхолию, Вильям продолжил часть разговор в своих мысля с самим собой:

— Хотя я не боюсь смерти, — подумал он, тяжело вздыхая. — Такому холодному одиночке, как я, терять нечего. Десятилетия изоляции и работы сформировали во мне стойкость к эмоциям и переживаниям. Никого нет рядом, кто бы мог облегчить мои страдания или поддержать в трудную минуту. Возможно, поэтому я воспринимаю жизнь как непрерывный цикл неудач и потерь, а не как праздник.

— Просто воспринимаю жизнь реалистично, — продолжил он вернувшись к беседе, отпивая кофе.

— У каждого из нас есть свой срок, и я предпочитаю прожить его с достоинством, независимо от риска.

Майя задумчиво посмотрела на него, пытаясь понять, что скрывается за его словами. Её глаза выражали одновременно любопытство и беспокойство.

Вильгельм Штиль заметил, что Майя в ходе их разговора постоянно вносит заметки в блокнот.

— Мне надо быть более тонким в наших разговорах, — подумал он, закуривая вторую сигарету.

Майя, нахмурившись от его пристрастия к курению, решила продолжить разговор:

— Вы наверняка уже ознакомились с моими рассказами, — смущённо спросила она, аккуратно поправляя шляпу. — Смогли ли вы разобраться с написанным или вам потребуется моя помощь? Я всегда рада помочь.

Штиль задумался, понимая, что нужно придумать подходящий ответ, чтобы не задеть чувства писательницы и не проявить халатность к своей работе.

— Пожалуй, — медленно произнёс он, делая вид, что внимательно изучает записи, — ваши тексты весьма интересны, но я бы хотел узнать больше о вашей точке зрения на некоторые моменты. Возможно, вы сможете разъяснить мне их подробнее?

Майя улыбнулась, явно польщённая его интересом:

— Конечно, месье Штиль, — ответила она, наклоняясь ближе.

— Я расскажу вам всё, что вы захотите узнать.

Штиль почувствовал, что их разговор становится всё более доверительным. Он понимал, что Майя постепенно раскрывается перед ним, и это может привести к важным открытиям.

— А что вас вдохновляет написание таких красивых рассказов? — спросил он, стараясь направить разговор в нужное русло.

Майя задумчиво посмотрела на него:

— Вдохновение приходит из путешествий и наблюдений, — тихо ответила она.

— Особенно мне нравится посещать музеи и выставки, находить вдохновение в искусстве и архитектуре.

Штиль, слушая её, почувствовал, как в голове складывается картина её внутреннего мира. Он понял, что Майя — не просто свидетельница, а ключ к разгадке тайны.

— Спасибо за откровенность, мадемуазель, — сказал он, допивая кофе. — Наши разговоры полезны и информативны.

Майя улыбнулась, понимая, что Штиль искренне интересуется её мнением.

В определённый момент Штиль прощается с Майей, показывая на допитый кофе и объясняя свой уход необходимостью вернуться к работе.

— Благодарю за беседу, мадемуазель, — сказал он, слегка поклонившись.

— Надеюсь, наши дороги снова пересекутся.

Майя улыбнулась, кивнув в ответ:

— Я тоже надеюсь, месье Штиль, — тихо произнесла она.

— Было приятно провести с вами это утреннее чаепитие.

Выходя из террасы, Штиль подумал про себя:

— Насколько приятной и теплой была эта беседа, несмотря на рабочие моменты, — пробормотал он, шагая по вымоченной брусчатке.

— Такого состояния я не испытывал уже более десяти лет.

Он остановился, осознавая, что разговор с Майей всколыхнул в нём давно забытое чувство спокойствия и удовлетворения. Он восхитился её добротой и дружелюбием, понимая, что это чувство нечасто посещают его жизнь.

— Как приятно иногда забыть о своей холодной натуре и позволить себе насладиться беседой, — подумал он.

— Возможно, я слишком часто отказываюсь от таких моментов, считая их пустой тратой времени.

Не успев отойти от террасы, он услышал отклик Майи позади себя:

— Месье Штиль! — крикнула она, пытаясь привлечь его внимание.

— Давайте увидимся завтра в это же время, без десяти минут десятого часа. Я буду вас ждать. Я помогу подробней описать, почему я написала те рассказы про Лувр и их тонкий смысл, месье детектив Штиль.

От неожиданности Вильям приоткрыл рот и выронил почти докуренную третью сигарету. Его пробрало до мурашек от её слов и прекрасного вида: развевающееся платье на ветру, ее рука в ажурных черных перчатках, придерживающая шляпу.

— Да, хорошо, мадемуазель, — улыбнувшись, произнес Штиль. — Я захвачу ваши записи.

Майя кивнула, её глаза засияли от удовольствия. Она поняла, что Штиль искренне заинтересован в её мнении, и это вызвало у неё волну благодарности и гордости.

Штиль продолжил свой путь, осознавая, что их встреча состоялась не напрасно. Он чувствовал, что Майя стала не просто свидетельницей, а союзником в расследовании, способным помочь раскрыть тайну.

— Кажется, я начинаю понимать, почему люди называют меня «ледяной машиной», — подумал он, ускоряя шаг.

Проходя по тёмным улицам Парижа, он слышал звуки начинающегося дождя. Капли равномерно барабанили по крышам, отражаясь в мокрых мостовых. Штиль, углубившийся в свои мысли, почувствовал, как уютная атмосфера осеннего Парижа обнимает его, словно теплый плед.

« — Но даже «машина» способна остановиться и оценить красоту момента. »

Шерстяное пальто детектива начало промокать от дождя, и он удалился в сторону своего офиса, размышляя о странном дне, который принёс ему приятные сюрпризы и глубокие размышления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.